Подається російською мовою

Недавно части Красной Армии штурмом взяли город Белую Церковь на Украине. Мой дед — синеглазый кроткий старик, весь серебряный от седины, и мой отец выросли и долго жили в Белой Церкви. В детстве я там часто бывал. Поэтому мне трудно представить себе жестокий танковый бой на улицах этого города. Вернее, не на улицах, а в аллеях этого города — в тихих и широких аллеях, заросших одуванчиками, теплых от солнца, пахнущих листьями тополя и укропом.

Представьте себе бой на улицах шекспировского Стрэтфорда или в каком-либо другом патриархальном городке Англии, где лондонец может услышать не только ночью, но даже днем шум листьев и протяжные крики петухов.

Белая Церковь — старинный город, бывшая столица украинских гетманов. Вблизи города раскинулись великолепные Александрийские сады, принадлежавшие некогда графине Браницкой — дочери Екатерины Второй. В этих садах бывали Пушкин и Мицкевич. Эти сады производили впечатление сказки. Высокие и пышные, они всегда были затянуты легкой дымкой — то от солнца, то от дождя. Дикие олени выходили из чащи, чтобы нежиться у фонтанов. Фонтаны били прямо из травы, из кустов шиповника, из зарослей настурций. Эти сады подымались перед глазами в несколько ярусов, давали несколько световых и цветных планов, и казалось, что только кисть гениального Коро могла бы передать зрителю их очарование и таинственную глубину.

Через Александрийские сады протекает река Рось с прозрачной глубокой водой. Она вся заросла белыми лилиями. Во времена моего детства река в Александрийских садах была перегорожена заржавленными железными цепями, чтобы лодочники не мяли лилии и не пугали лебедей, гнездившихся на этой реке. Около города Рось

прорывается через стертые временем до основания Авратынские горы — отроги Карпат. И вот в сердце степной Украины шумит горная река, переливается водопадами в гранитных красных берегах.

Раннее мое детство прошло в Белой Церкви, в этом городе, окруженном голубыми и золотыми полями Украины. Оно осталось в памяти как теплая роса на ползучих цветах портулака, как сладкий дым соломы — ею топили печи в городе, — как рассказы моего деда — бывшего николаевского солдата — о походах во Фракию.

Дед все лето жил в шалаше на пасеке. Пчелы любили его, как он сам говорил, за его тихий старческий голос и за то, что он никогда не курил табак. Он пел мне, мальчику, дребезжащим голосом старинные песни запорожских казаков. Они дышали то степной меланхолией, то буйным весельем. Дед мой помнил еще то время, когда на Украине не было железных дорог, и он возил с огромными обозами на серых волах соль и сушеную рыбу из Крыма в Киев.

В Белой Церкви было много ремесленников-евреев — часовщиков, шорников, сапожников, извозчиков. Это были добрые и веселые бедняки. Они постоянно дарили мне то конфеты из зерен мака, то глиняные свистульки, то переводные картинки. Каждый раз, когда моя мать садилась к роялю, и среди вековых тополей на улице возникал торжественный звон струн, под окнами собирались все соседи-ремесленники, садились на траву и слушали, качая головами. Потом осторожно подъезжал старый извозчик Мендель, останавливался и, не слезая с козел, тоже слушал Шопена и Чайковского. Старая его лошадь тут же засыпала. Когда музыка кончалась, Мендель снимал картуз, вытирал им глаза и говорил матери:

— Вы великая артистка! Дай вам бог жить до ста лет.

В июне, в день народного праздника Ивана Купалы, в те душные летние ночи, когда зарницы непрерывно мигают по горизонту и

созревают хлеба в полях, по реке мимо города плыли венки из полевых цветов, и в венки эти были вставлены горящие свечи. Так гадали украинские девушки — чья свеча дольше не погаснет, та девушка дольше проживет на свете.

Я бы мог еще много написать о прелести и поэзии этого города, но у меня нет места и времени.

Сейчас Белая Церковь взята.

Украина возродится из пепла и снова зацветет, зашумит богатыми садами, песнями и великолепным трудом.

1943 г.